

Т. В. Лановая

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КВАЗИСУБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Аннотация. В статье искусственный интеллект рассматривается как новый объект лингвистического описания и как квазисубъект коммуникации. Массовое использование генеративных моделей меняет парадигму анализа текста, стиля и авторства. Распространение генеративных языковых моделей меняет условия письменной коммуникации и требует уточнения представлений об авторстве, стиле, агентности и речевой ответственности. Материал составили два сопоставимых корпуса: 50 авторских эссе и 50 эссе, созданных языковыми моделями. Для сопоставимости контролировались жанр, объем, тема и единый шаблон запроса. Применялись количественные показатели и качественный анализ композиции, аргументации и прагматических стратегий. Выявлены устойчивые особенности модельного письма на лексическом, синтаксическом, дискурсивном и прагматическом уровнях. Наиболее заметны клиширование, гиперсвязность, композиционная упорядоченность, сниженная содержательная плотность, гиперкорректность и кооперативность. Сопоставление показало, что различия затрагивают не только отдельные словесные элементы, но и способы организации текста, связности, вывода и адресации к читателю. Уточняется шкала прозрачность / скрытность, и показана ее роль в объяснении эффекта квазисубъектности. Генеративные модели формируют устойчивые дискурсивно-прагматические сценарии, создающие впечатление агентности и поддерживающие эффект квазисубъектности. Перспективы работы связаны с проверкой этих признаков при смене жанра, модели, версии и условий постредактирования.

Ключевые слова: генеративные языковые модели, искусственный интеллект, модельное письмо, квазисубъектность, авторство, прагматика

T. V. Lanovaya

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A QUASI-SUBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Abstract. The article considers artificial intelligence as a new object of linguistic description and as a quasi-subject of communication. The widespread use of generative models is changing the paradigm of text, style, and authorship analysis. The spread of generative language models is transforming written communication and requires a clearer understanding of authorship, style, agency, and discursive responsibility. The material consists of two comparable corpora: 50 human-authored essays and 50 essays produced by language models. To ensure comparability, genre, length, topic, and a unified prompt template were controlled. The study combines quantitative indicators with qualitative analysis of composition, argumentation, and pragmatic strategies. The study identifies stable features of model writing at the lexical, syntactic, discourse, and pragmatic levels. The most noticeable are clichés, hyper-connectedness, compositional orderliness, reduced content density, hyper-correctness, and cooperativeness. The comparison shows that the differences affect not only individual verbal elements but also broader ways of organizing the text, coherence, inference, and reader address. The transparency/hiddenness scale is refined and its role in explaining the quasi-subject effect is demonstrated. Generative models produce stable discourse-pragmatic patterns that create an impression of agency and support the effect of quasi-subjectivity. Further research should test these features across genres, models, versions, and post-editing conditions.

Keywords: *generative language models, artificial intelligence, AI-generated writing, quasi-subjectivity, authorship, pragmatics*

Введение. Стремительное распространение генеративных систем, включая как семейства языковых моделей, так и пользовательские сервисы на их основе (ChatGPT, YandexGPT, DeepSeek, Claude, Gemini, Perplexity и др.), существенно изменило условия существования письменной коммуникации. Значительная часть текстов сегодня создается не как прямое выражение авторского замысла, а как результат взаимодействия с моделью, способной синтезировать связный, жанрово корректный и стилистически нормализованный текст (О. А. Акимова, И. М. Дзялошинский [2], Я. В. Солдаткина, А. С. Чернавский [11]). «В процессе интеграции технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в академическом дискурсе меняется процедура написания академического текста, формируется новый вид коммуникативного взаимодействия – ИИ как автор «сгенерированного текста» и человек как получатель текста от ИИ» [15, с. 2551]. В гуманитарной перспективе это означает появление нового объекта лингвистического описания – генеративного текста – и нового режима речепорождения, который не сводится ни к традиционному авторству, ни к автоматизированному редактированию, например, как одной из функций Microsoft Word.

На первом этапе изучения генеративных моделей доминировала прикладная парадигма описания и оценки: обсуждались задачи обнаружения машинной генерации, оценки качества, рисков и практик использования: [2], [6], [11], [17]. Однако для лингвистики на данном этапе принципиально важен иной ракурс – язык, который создает модель, представляет собой не случайный набор формулировок, а статистически обусловленный способ построения высказывания с воспроизводимыми признаками на разных уровнях – от лексики и синтаксиса до дискурсивной организации и прагматических стратегий [15]. Такой подход позволяет рассматривать генеративный ИИ не только как инструмент, но и как квазисубъект коммуникации в прагматическом смысле. В диалоговом взаимодействии модель занимает позицию говорящего, поддерживает принцип кооперации, демонстрирует модальность уверенности, оформляет аргументацию и выводы, тем самым создавая эффект субъектности, воспринимаемый участниками общения.

Важно подчеркнуть, что квазисубъектность не является онтологическим утверждением о наличии у модели намерений или сознания. «Другими словами, только люди (а не машины) являются конечным источником и определителем ценностей, от которых зависит любой ИИ. Никакой разум (человека или машины) никогда не будет по-настоящему автономным: все, что мы делаем, зависит от социального контекста, созданного другими людьми, которые определяют смысл того, что мы хотим достичь. Это означает, что за все, что делает ИИ, отвечают люди» [2, с. 20]. В исследовании сгенерированных текстов в лингво-прагматическом ключе М. Н. Черкасова, А. В. Тактарова приходят к выводу, что «нейросеть не может трансформировать и передавать какое-либо отношение адресату (получателю), как и не может осознанно воздействовать на него посредством своих текстов, а также иметь прагматичные намерения» [15, с. 2556]. В более широком контексте цифровой гуманитаристики исследование генеративного текста может рассматриваться как частный случай перестройки гуманитарного знания в условиях новых цифровых возможностей. Современные реалии требуют нового формата исследований, сочетающего гуманитарную интерпретацию и анализ цифровых инструментов. «Природа, общество и технологии соединяются в некую гибридную реальность, где мир естественного и мир искусственного практически неразличимы» [9, с. 163]

В нашей статье речь идет о прагматическом эффекте, возникающем в коммуникации и закрепляемом языковыми средствами – модальностью, стратегиями вежливости

и кооперации, способами аргументации, а также механизмами структурирования текста (перечни, метатекстовые рамки, таблицы, композиционная симметрия и др.). В этом контексте набор так называемых маркеров ИИ-текста следует понимать не как перечень признаков для прикладной проверки происхождения текста, а как эмпирические индикаторы специфики модельного письма и модельной прагматики.

Цель статьи – описать генеративный ИИ как объект и квазисубъект лингвистических исследований, выделив устойчивые языковые и дискурсивные проявления генерации.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- 1) предложить рамку анализа ИИ в лингвистике, различающую продуктовый, процессуальный и прагматический планы;
- 2) систематизировать проявления генеративного текста по уровням (лексические, синтаксические, дискурсивные, когнитивные, прагматические);
- 3) уточнить параметр *прозрачность / скрытность* как способ разграничения наблюдаемых и латентных характеристик.

Чтобы говорить об ИИ как о предмете лингвистики (Е. В. Фигура пишет о генерации текстов как объекте лингвистических исследований [12]), мы предлагаем выделить три плана для анализа: ИИ как производитель текстов (условно – продуктовый план), ИИ как участник диалога (процессуальный план) и ИИ как квазисубъект (прагматический план). Продуктовый план фиксирует статистически воспроизводимые нормы модельного письма; процессуальный – динамику порождения и адаптации высказывания в диалоге; прагматический – механизмы конструирования агентности (кооперативные стратегии, риторические завершения, распределение ответственности за сказанное и др.).

Наше исследование носит пилотный характер. Количественные параметры используются не для вывода о полной статистической репрезентативности, а для фиксации повторяющихся тенденций в сопоставимых корпусах. В рамках анализируемого корпуса корректнее говорить не о статистически доказанных закономерностях модельного письма, а о регулярно наблюдаемых тенденциях, требующих дальнейшей проверки на больших корпусах. (замечание 1)

Прагматическая квазисубъектность генеративной модели поддерживается регулярно воспроизводимыми речевыми действиями: установлением границ ответственности, оформлением отказов, предъявлением правил допустимого и демонстрацией кооперации (множественные уточнения и варианты, переформулирования). Важно, что эти действия реализуются не вне языка (имеем в виду возможности интерфейса, дополнительных режимом или помощью ассистента и др.), а в языке – через типовые модальные конструкции, формулы вежливости ([5], [13]), эвфемизацию, аргументативные связки и композиционную упорядоченность ответа, т. е. стратегии ИИ воспроизводимы и системны. Конечно, в какой-то степени и человек ежедневно в своей языковой практике реализует несколько стратегий [3], определяющих его стиль коммуникации и в целом формирующий его идиостиль, однако стиль ИИ более предсказуем и типизирован. Показателен слой метакоммуникативных реплик, где модель явно маркирует статус говорящего, тем самым усиливая эффект субъектной позиции. Например, в ответ на запрос о генерации заголовков фиксируется формула «как у нейросетевой языковой модели у меня не может быть настроения...» (доклад А. А. Долотцева «Написание заголовков с помощью искусственного интеллекта» [7, с. 1]). Как показано в том же исследовании А. А. Долотцева, аналогично работает отказ с апелляцией к ограничениям: «Я умею придумывать, но не умею намеренно обижать людей» [7, с. 1]. Такие конструкции создают впечатление, что у модели есть не только «голос», но и обязательства (границы допустимого, режимы согласия / несогласия), хотя в онтологическом смысле речь идет о воспроизводимых шаблонах, встроенных в модельную прагматику. Следовательно, набор маркеров ИИ-текста нужно

трактовать не как список для определения происхождения текста, а как эмпирические индикаторы регулярных стратегий модельного письма – тех речевых механизмов, которые и производят эффект коммуникативной агентности.

Под модельным письмом в данной статье мы понимаем не отдельный стиль и не частный набор клише, а совокупность регулярно воспроизводимых элементов, которые создает генеративная модель. Эти элементы могут проявляться в композиционной организации, связности, модальности, выборе формул аргументации и стратегиях ответа. В отличие от канцелярита, который представляет собой признак официально-делового стиля, модельное письмо не сводится к бюрократической лексике и может проявляться в разных жанрах. В отличие от стандартизированного человеческого письма, оно связано не только с жанровой нормой, но и с запрограммированной логикой и следованием шаблону запроса (промту). (замечание 2)

Актуальность исследуемой проблемы. Лингвистическая значимость исследования определяется тем, что генеративные модели меняют привычные основания анализа текста, стиля и автора. В ситуациях текстопроизводства (запрос → генерация → редактирование) требуется уточнять, кто именно является источником формулировок и как в тексте проявляется «голос» создателя высказывания (о прецедентах использования ИИ в образовании [10]; о проблеме утраты авторства (философский контекст) [6]).

Актуальность исследования также связана с тем, что эффект квазисубъектности модели – приписывание ей позиции, компетентности и обязательств – возникает не из технических характеристик системы, а из языковых и дискурсивных решений. Их описание важно для теории текста и дискурса, прагмалингвистики, а также для смежных областей, где требуется интерпретация происхождения и статуса высказываний.

Материал и методы исследования. Эмпирическая часть исследования опирается на сопоставление двух корпусов: корпуса авторских (человеческих) текстов и корпуса текстов, сгенерированных ЯМ. Для повышения сопоставимости контролировались жанр, объем и тематические рамки заданий.

Для практической части выбран жанр короткого эссе-рассуждения как формат чувствительный к дискурсивной организации, модальности и прагматическим стратегиям. Авторский корпус составили тексты объемом до 3000 знаков без пробелов (около 500–600 слов), написанные в учебной аудитории в ограниченное время (60–90 минут) без использования генеративных сервисов и без доступа к книгам или Интернету. Задания формулировались как открытые вопросы, допускающие аргументацию и вывод (например: «Как меняется письменная коммуникация под влиянием генеративных моделей?», «Можно ли говорить об авторстве в условиях распространения и доступности ИИ?», «Почему тексты ИИ часто воспринимаются как объяснительные?»).

Корпус авторских текстов включал 50 текстов. Корпус ИИ-текстов составил 50 текстов сопоставимого объема (ориентировочно 500–600 слов), сгенерированных в нескольких генеративных моделях. Корпус ИИ-текстов формировался по тем же темам и в том же жанре. Для каждой темы получали по одному тексту от выбранной модели. Чтобы снизить эффект «выборки лучшего варианта», фиксировался первый полученный результат, удовлетворяющий формальному требованию по объему. Постредактирование не выполнялось, однако допускалась только техническая нормализация (удаление служебных помет, выравнивание кавычек / тире) без изменения лексики или синтаксиса.

Шаблон нашего запроса (промта), использованный для генерации ИИ-корпуса: «Напиши эссе-рассуждение на русском языке на тему: «ТЕМА». Объем: до 3000 знаков без пробелов. Стиль: нейтральный научно-публицистический. Структура: тезис → 2–3 аргумента → краткий контраргумент → вывод. Не используй списки и подзаголовки. Не упоминай, что ты ИИ. Не добавляй ссылки и библиографию».

Одинаковый промпт применялся во сервисах ИИ (ChatGPT, DeepSeek, Perplexity). Использование единого промпта выполняло функцию контроля и позволило снизить вариативность, связанную с разными стратегиями запроса. Вместе с тем это сузило область выводов. Часть выявленных признаков может зависеть от самого шаблона запроса. По этой причине в статье мы разделяем признаки, которые чувствительны к промпту, и признаки, предположительно более устойчивые на прагматическом уровне. Можем предположить, что при промптах «пиши живее», «непосредственно», «нестандартизированно» прозрачные поверхностные маркеры будут ослабевать, а латентные признаки (кооперативность, модальность, сглаживание конфликта, вежливость, аргументация) могут сохраняться. (замечание 5)

Единицей анализа выступал фрагмент (абзац) и текст целиком. Количественно фиксировались частотность дискурсивных маркеров (например: «однако», «таким образом», «во-первых»), доля вводных конструкций и оценочно-модальных предикатов («следует / необходимо», «очевидно / вероятно»), лексическая вариативность (доля повторов ключевых лексем), синтаксические параметры (средняя длина предложения, доля сложноподчиненных конструкций, параллельные конструкции). Качественный анализ включал разбор аргументации и прагматических стратегий (кооперативность, сглаживание, модальность уверенности / оговорки).

Отметим, что сравниваемые нами тексты не полностью симметричны. Авторские тексты создавались в условиях временного ограничения и без внешней поддержки, а ИИ-тексты представляли собой генерацию по запросу, поэтому различия в содержательной стороне и композиции частично могут объясняться не только природой генерации, но и различием условий создания текста. В перспективе считаем, что нужно сопоставлять письмо человека в аудитории, домашнее письмо без ИИ и генерацию и редактирование с участием ИИ. (замечание 3)

Результаты исследования и их обсуждение. Устойчивые особенности модельного письма проявляются на нескольких уровнях. Ниже представлен систематизированный перечень (на материале работ [1], [8], [14], [15], [16], [17]) таких проявлений ИИ по уровням языка и дискурса. Данная типология описывает не маркеры для детекции, а воспроизводимые стратегии модельного письма как лингвистического объекта, ключевым параметром их научной значимости выступает проверка устойчивости признаков при смене жанра, модели и при постредитировании.

Лексика генеративных текстов часто характеризуется повышенным количеством вводных формул и клише (например: следует отметить, важно подчеркнуть), что создает эффект нейтрального объяснительного письма. В специализированных темах отмечается тенденция к описательным перифразам вместо точной терминологии, заметна тенденция к снижению экспрессии и избеганию конфликтных формулировок. Перспективным направлением анализа является различение легко устранимых лексических сигналов, исчезающих при переписывании под стиль, и устойчивых характеристик, сохраняющихся при редактировании.

На синтаксическом уровне наблюдается повторяемость конструкций и предсказуемость развертывания: однотипные модели сложноподчиненных предложений, сходные схемы усложнения, симметричные параллельные построения. Текст сохраняет корректность, но может выглядеть сглаженным, синтаксически одинаковым. Для последующего анализа нужно переходить от качественных наблюдений к количественным (распределение длины предложений, доля типов конструкций, размеры синтаксического параллелизма) и сопоставлять эти показатели по жанрам и типу запроса. Одним из наиболее заметных проявлений является избыточная связность предложений за счет вводных слов и конструкций (*в частности, однако, таким образом*), перечисления (*во-первых, во-вторых*),

а также композиционная жесткость (стремление к выделению, называнию разделов и подразделов) с регулярными выводами. Генеративные тексты демонстрируют внешнюю логичность при сниженной содержательной плотности текста – рассуждение развернуто, но не содержит значимых утверждений.

На прагматическом уровне наблюдается избегание конфликта, тенденция к сглаживанию формулировок, гиперкорректность, стремление к формальному завершению темы выводами и избыточное структурирование. В дальнейшем данный уровень целесообразно описывать через типовые речевые действия и сценарии диалога (уточнения, переформулирование, предложение вариантов замен и дополнений, формулы отказа), а также проверять их стабильность при смене модели / версии и условий запроса.

Все перечисленные признаки в той или иной степени проявились и в нашем эксперименте. Фрагмент А (авторский текст, иллюстративный; авторская орфография и пунктуация сохранены) по теме «Можно ли говорить об авторстве в условиях распространения и доступности ИИ»: «Я все чаще ловлю себя на мысли, что текст пишется и мною и не мною одновременно. Вроде не я писал, хотя это именно то, что я хотел бы сказать или написать, но не додумался. Вчера я писал реферат и потом попросил ИИ сделать мой текст более научным, и через минуту получил отличную версию моих формулировок. Они как бы мои и не мои. Смысл сохранился, но слова другие, терминологические. В итоге получается странная смесь: я отвечаю зато что пишу, но слова будто арендную» (автор – студент первого курса гуманитарного профиля).

Фрагмент Б (ИИ-текст, иллюстративный, сгенерировано ChatGPT, та же тема): «В условиях широкого распространения ИИ вопрос авторства требует уточнения. С одной стороны, автором следует считать человека, поскольку именно он задает намерение, тему и критерии результата. С другой стороны, генеративная модель участвует в формировании речевой ткани текста, предлагая готовые формулировки и композиционные решения. Таким образом, корректнее говорить о распределенном авторстве, при котором итоговый продукт является результатом взаимодействия пользователя и алгоритма. Вместе с тем важно учитывать, что ответственность за содержание и последствия публикации сохраняется за человеком».

Сопоставление демонстрирует типичное расхождение между идиостилевым и модельным режимом письма. Во фрагменте А заметна локальная конкретика («вчера», «писал реферат», «сделать научным»), что повышает информативную плотность и маркирует индивидуальный опыт; связность здесь достигается тематическим развитием, а не плотным набором дискурсивных маркеров. Кроме того, этот фрагмент содержит субъективные маркеры оценки и наблюдения («ловлю себя», «странная смесь», «как будто») как важные компоненты идиостиля.

Фрагмент Б, напротив, реализует стандартизованную дискурсивную схему: постановка проблемы → симметричное противопоставление («с одной стороны... / с другой стороны...») → вывод («таким образом») → оговорка («вместе с тем важно учитывать»). Это создает эффект гиперсвязности и композиционной упорядоченности. На прагматическом уровне этот фрагмент демонстрирует гиперкорректность и кооперативность: формулировки сглажены, конфликтные точки (кто *автор*) переводятся в компромисс («корректнее говорить...», «важно учитывать...»), а ответственность распределяется нормативно и безлично.

Интересно, что в Б-тексте квазисубъектность проявляется внутри языка: модель берет на себя роль объясняющего и нормирующего говорящего через типовые конструкции («следует считать», «корректнее говорить», «важно учитывать»), а также через сценарий аргументации. В А-фрагменте эффект субъектности, наоборот, не конструируется как позиция эксперта, а строится из индивидуального опыта и мыслей; поэтому этот текст воспринимается

как голос автора, тогда как Б-фрагмент – как голос компетентного коммуниканта, воспроизводимого разными генерациями.

Для интерпретации проявлений генерации полезно различать явно наблюдаемые и латентные характеристики. К первым относятся клише, гиперсвязность, симметричная композиция, повторяемые синтаксические ходы. Ко вторым – модальность уверенности, предсказуемые сценарии аргументации и прагматическая установка на кооперацию. Именно дискурсивные и прагматические особенности чаще всего производят эффект субъектности. ЯМ организует речь, маркирует выводы и удерживает роль объясняющего или эксперта.

Фрагмент А (авторский текст, иллюстративный; авторская орфография и пунктуация сохранена): «Если честно, я не могу назвать себя автором текста, который отшлифовали за меня. Когда правишь вручную, ты помнишь, где сомневался и зачем заменил слово. А когда получаешь готовый текст от ИИ, он выглядит как окончательная версия – даже если внутри себя ты с ней не до конца согласен. После пары таких правок текст начинает звучать одинаково, будто его писал один и тот же человек. И через время – уже будто и не ты писал его вовсе» (автор – студент второго курса гуманитарного профиля).

Фрагмент Б (ИИ-текст, иллюстративный; сгенерировано DeepSeek): «Следует отметить, что в современной ситуации авторство приобретает смешанный характер. Во-первых, человек задает исходную задачу и определяет цель текста. Во-вторых, модель обеспечивает языковую реализацию, предлагая формулировки и структурные решения. Таким образом, можно говорить о перераспределении функций автора между субъектом запроса и инструментом генерации. Важно подчеркнуть, что при этом ответственность за смысл и достоверность сохраняется за пользователем».

В представленных фрагментах «прозрачность» обеспечивается поверхностными, легко фиксируемыми сигналами. Во фрагменте Б явно маркированы клише («следует отметить», «важно подчеркнуть»), рамки перечисления («во-первых», «во-вторых»), а также связка итогового вывода («таким образом»). Эти элементы создают эффект нормативного объяснения и легко выделяются при чтении и при количественной проверке (частотность вводных формул и соединительных связок). Во фрагменте А аналогичная композиция не навязывается: связность держится на противопоставлении ручной правки и готового текста, а оценочность и колебания («если честно», «не могу назвать», «не до конца») являются частью идиостиля.

Рассмотрим еще одну пару для демонстрации неочевидных, латентных характеристик (прагматический сценарий и модальность).

Фрагмент А (авторский текст, иллюстративный; авторская орфография и пунктуация сохранена): «Мне кажется, спор об авторстве упирается не в то, кто набрал текст, а в то, кто отвечает за идею. Я могу использовать ИИ как черновик, но в какой-то момент должен решить: это действительно моя позиция или просто удобная формулировка. И если я оставляю красивое предложение только потому, что оно убедительно звучит, я уже уступаю свою ответственность, но даже не бездушной машине, а собственному желанию выглядывать умнее и своей лени переделывать» (автор – студент третьего курса, филолог).

Фрагмент Б (ИИ-текст, иллюстративный; сгенерировано Perplexity): «Авторство в ситуации использования ИИ целесообразно рассматривать как градуальную величину. Пользователь сохраняет определяющую роль в постановке задачи и отборе результата, однако языковая организация текста в значительной степени формируется на стороне модели. В результате возникает эффект *голоса*, который воспринимается как позиция говорящего, хотя фактически представляет собой набор устойчивых речевых стратегий. Поэтому при анализе уместно различать ответственность за содержание и участие в речевом оформлении».

В этой паре ключевые признаки уже не так очевидны (почти нет вводных конструкций), поэтому они относятся к слепой зоне. Во фрагменте Б эффект квазисубъектности создается не клише, а прагматическим сценарием объяснения: вводится терминологическая рамка («целесообразно рассматривать», «градуальная величина»), категоризация («постановка задачи / отбор результата», «языковая организация»), формулируется вывод, который производит впечатление позиции говорящего. Это латентно, потому что проявляется на уровне стратегии и модальности – через конструкции рационализации и распределения ролей. Во фрагменте А субъектность выражена иначе: сомнение и самоограничение («мне кажется», «я уступаю») удерживают авторскую ответственность в зоне личного выбора, а не в зоне нормативного рассуждения.

Полученные результаты означают, что необходимо описывать текст как продукт распределенного производства и говорить о модельном стиле как о статистически обусловленном режиме письма, отличимом от идиостиля (подробнее об идиостиле в генеративном тексте в статье Н. И. Клушиной [4]). Ограничения анализа связаны с жанровой зависимостью признаков, влиянием формулировки запроса, обновляемостью и появлением новых ЯМ, что требует регулярной валидации на новых данных. Мы предполагаем, что в художественных жанрах признаки модельного письма будут частично маскироваться под стилизацию, а в официально-деловых жанрах часть этих признаков совпадет с самой жанровой нормой. В обоих случаях возрастает значение скрытых дискурсивных и прагматических сценариев как более устойчивого уровня анализа. (замечание 4)

Выводы. Генеративные ЯМ целесообразно рассматривать как объект и квазисубъект лингвистических исследований. ИИ-тексты демонстрируют воспроизводимые лексические, синтаксические, дискурсивные и прагматические особенности. Совокупность этих особенностей формирует режим модельного письма (композиционная упорядоченность, гиперсвязность, нормализация регистра, кооперативные стратегии), который поддерживает прагматический эффект квазисубъектности.

Параметр прозрачность / скрытность позволяет разграничивать наблюдаемые и латентные характеристики генеративного текста и использовать это различие для интерпретации агентности модели в коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проверкой устойчивости выявленных характеристик на пересечении параметров «жанр – модель – версия – постредактирование», с описанием промпт-следа и распределенного авторства (соотнесением вклада пользователя, модели и редактора в итоговый текст), а также с углублением дискурсивно-прагматического анализа квазисубъектности через анализ речевых актов, модальности и стратегий кооперации/отказа, формирующих эффект ИИ-коммуниканта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдагулова А. Р.* Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2023. – № 4(72). – С. 154–156.
2. *Дзялошинский И. М.* Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 20–29.
3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. стереотип. – М. : Ленанд, 2022. – 308 с.
4. *Клушина Н. И.* Идиостиль в генеративном тексте // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 774–788.
5. *Лукинова О. В.* Категория вежливости в ИИ-генераторах писем // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 836–849.
6. *Макулин А. В.* Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 76–86.
7. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2024» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. – М. : МОО СИПНН Н. Д. Кондратьева, 2024 [Электронный ресурс]. – URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/8452/section_3_18864.htm (дата обращения: 10.01.2026).

8. *Осетрова Е. В., Седова А. В.* Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 2(31). – С. 45–55.
9. *Распопова С. С.* Цифровая гуманитаристика: опыт, проблемы, перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 160–167.
10. *Сережкина А. Е.* Применение искусственного интеллекта в образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2024) : сб. статей V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. – М. : Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – С. 743–755.
11. *Солдаткина Я. В., Чернавский А. С.* Генеративные языковые модели как актуальный феномен медиакультуры в начале XXI века // Наука и школа. – 2023. – № 4. – С. 44–56.
12. *Фигура Е. В.* Генерация текстов как объект лингвистических исследований // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2025. – № 3. – С. 64–70.
13. *Цвигун Т. В., Черняков А. Н.* Нейросеть как «машина вежливости» // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 922–938.
14. *Черкасова М. Н.* Признаки сгенерированного текста в академическом дискурсе: проблема идентификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2226–2232.
15. *Черкасова М. Н., Тактарова А. В.* Искусственно сгенерированный академический текст (лингво-прагматический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2551–2557.
16. *Altmäe S., Tapanainen J. S., Palomäki O.* et al. Artificial intelligence in scientific writing: A friend or a foe? // Reproductive BioMedicine Online. – 2023. – Vol. 47, No. 1. – P. 3–9.
17. *Gao C. A., Howard F. M., Markov N. S.* et al. Comparing scientific abstracts generated by ChatGPT to original abstracts using an artificial intelligence output detector // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, No. 1. – Article 75. – DOI 10.1038/s41746-023-00819-6.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026

REFERENCES

1. *Ajdagulova A. R.* Osobnosti tekstov, sgenerirovannykh iskusstvennym intellektom // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. – 2023. – № 4(72). – S. 154–156.
2. *Dzylalshinskiy I. M.* Iskusstvennyy intellekt: gumanitarnaya perspektiva // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 20–29. – DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29.
3. *Issers O. S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. – Izd. stereotip. – М. : Lenand, 2022. – 308 s.
4. *Klushina N.I.* Idiostil' v generativnom tekste // Kommunikativnye issledovaniya. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 774–788. – DOI 10.24147/24136182.2025.12(4).774-788.
5. *Lukina O. V.* Kategoriya vezhливosti v II-generatorakh pisem // Kommunikativnye issledovaniya. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 836–849. – DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).836-849.
6. *Makulin A. V.* Intellektual'nye sistemy v gumanitarной sfere i tsifrovaya filosofiya // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. – 2016. – № 2. – С. 76–86. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76.
7. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2024». Sektsiya «II v sotsial'no-gumanitarnykh nauках – Tekhnologii II v nauке i obrazovanii» / otv. red. I. A. Aleshkovskiy, A. V. Andriyanov, E. A. Antipov, E. I. Zimakova. – М. : MOO SIPNN N. D. Kondrat'eva, 2024 [Elektronnyj resurs]. – URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/8452/section_3_18864.htm (data obrashcheniya: 10.01.2026).*
8. *Osetrova E. V., Sedova A. V.* Kharakteristiki sgenerirovannogo teksta: yazykovoj i sotsial'no-kommunikativnyj analiz // Sibirskij filologicheskij forum. – 2025. – № 2(31). – С. 45–55.
9. *Raspopova S. S.* Tsifrovaya gumanitaristika: opyt, problemy, perspektivy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 160–167.
10. *Serezhkina A. E.* Primenenie iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii : sb. statej V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. V. V. Rubtsova, M. G. Sorokovoj, N. P. Radchikovoj. – М. : Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2024. – С. 743–755.
11. *Soldatkina Ya. V., Chernavskij A. S.* Generativnye yazykovye modeli kak klyuchevoe yavlenie mediakul'tury v nachale XXI veka. Nauka i shkola. – 2023. – No. 4. – P. 44–56. – DOI 10.31862/1819-463X-2023-4-44-56.
12. *Figura E. V.* Generatsiya tekstov kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanij // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. – 2025. – № 3. – С. 64–70. – DOI 10.18137/RNU.V925X.25.03.P.064.
13. *Tsvigun T. V., Chernyakov A. N.* Nejroset' kak «mashina vezhливosti» // Kommunikativnye issledovaniya. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 922–938. – DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).

14. Cherkasova M. N. Priznaki sgenerirovannogo teksta v akademicheskom diskurse: problema identifikatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2226–2232. – DOI 10.30853/phil20240307.

15. Cherkasova M. N., Taktarova A. V. Iskusstvenno sgenerirovannyj akademicheskij tekst (lingvopragmaticheskiy aspekt) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2551–2557. – DOI 10.30853/phil20240363.

16. Altmäe S., Tapanainen J. S., Palomäki O. et al. Artificial intelligence in scientific writing: A friend or a foe? // Reproductive BioMedicine Online. – 2023. – Vol. 47, No. 1. – P. 3–9. – DOI 10.1016/j.rbmo.2023.04.009.

17. Gao C. A., Howard F. M., Markov N. S. et al. Comparing scientific abstracts generated by ChatGPT to original abstracts using an artificial intelligence output detector // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, No. 1. – Article 75. – DOI 10.1038/s41746-023-00819-6.

The article was contributed on January 20, 2026

Сведения об авторе

Лановая Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6862-5977>, lanovaya_t_v@mail.ru

Author Information

Lanovaya, Tatyana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6862-5977>, lanovaya_t_v@mail.ru